

с. 2.

Литературное обозрѣніе.

Нѣсколько лѣтъ назадъ напечатанный въ «Русской Мысли» рассказъ А. П. Чехова «Мужики» произвелъ большое впечатлѣніе на читающую публику. Писатель-реалистъ, справедливость показаній котораго всѣми единогласно признана, засвидѣтельствовалъ истину печальнаго коснѣнія русскаго мужика въ прежней тѣлѣ и прежней нищетѣ въ ту пору, когда уже пришла пора народническихъ увлеченій, литература обратилась къ болѣе опрятнымъ и благопристойнымъ сюжетамъ, и просвѣщенный читатель сдѣлался довольно равнодушнымъ къ судьбамъ своего меньшого брата. Не такъ давно тотъ-же авторъ обратился почти къ той-же задачѣ, — изображенію мрачнаго существованія русскаго деревни и ея обывателя, на этотъ разъ не подъ угломъ зрѣнія его матеріальнаго обнищанія, но со стороны его духовной запущенности, полнаго отсутствія сколько-нибудь возвышенныхъ идеаловъ, полумертвеннаго прозябанія и преобладанія узко-корыстныхъ, низменныхъ стремленій.

Мы говоримъ о рассказѣ «Въ оврагѣ», напечатанномъ недавно въ книжкахъ молодого журнала «Жизнь». Заглавіе сколько прямо касается дѣйствія рассказа, столько же и аллегорично. Герои повѣствованія дѣйствительно живутъ въ селѣ, лежащемъ въ оврагѣ, и съ другой стороны, въ самомъ дѣлѣ, ихъ жизнь — какое-то безпросвѣтно-существованіе, какое-то ползаніе на днѣ пропасти, въ которой не видно даже ничтожнаго кусочка неба и въ которую никогда не западаетъ лучъ солнца. Мѣсто дѣйствія — село Уклеево, — «то самое, гдѣ дьячокъ на похоронахъ всю икру съѣлъ», по выраженію окрестныхъ жителей, но съумѣвшихъ уловить ни одного сколько-нибудь замѣтнаго событія безцвѣтной жизни Уклеева. Герои рассказа — члены семьи зажиточнаго сибирскаго мѣщанина, Григорія Цыбукина. Подъ прикрытіемъ бакалейной лавочки, Цыбукинъ торгуетъ водкой, скотомъ и всѣмъ, что приходится, и какъ у него, такъ и у его семьи слагается узкій, корыстный взглядъ на вещи. Младшій сынъ его, женатый, Степанъ, помогаетъ отцу по торговой части и весь погружается въ мелкія хлопоты и заботы своего отца вмѣстѣ со своею женой, молодой и дѣльной бабой, Аксиньей. Сытые и довольные, Цыбукины живутъ въ селѣ, обирая крестьянъ и строя

на некомпъ, не вѣчномъ обманѣ и обманѣ свое счастье. Ни альтруистическія чувства, ни какіе-либо идеалы сколько-нибудь высшаго порядка не доступны этимъ людямъ, замѣтившимъ душу каршаномъ. «Старикъ не любилъ, — рассказываетъ авторъ, — чтобы къ нему подходили мужики со своими просьбами и жалобами: онъ ненавидѣлъ мужиковъ и брезговалъ ими, и если видѣлъ, что какой-нибудь мужикъ дожидается у воротъ, то кричалъ гнѣвно: — Что сталъ тамъ? Проходи дальше! — или кричалъ, если то былъ нищій: — Богъ дастъ...»

Не преслѣдуя цѣлей строгаго единства и цѣлостности рассказа, авторъ безпретенціозно рисуетъ рядъ картинъ изъ жизни избранной имъ семьи. Передъ читателемъ ярко встаютъ подробности женитьбы старшаго сына Цыбукина — Акимина, служившаго въ городѣ, въ сыскомъ отдѣленіи, — подробности, начертанныя рукою настоящаго и самобытнаго мастера; обрисовывается типъ его жены, красавицы-безпріданницы, скромной и совѣстной изъ много тѣста слѣпленной женщины, — Липы, проходитъ буржуазная, тусклая жизнь семьи, посвященная мелкимъ заботамъ прозаическаго существованія, мытью половъ, нянчанью ребятъ, высчитыванію грошей... Внезапно надъ Цыбукиными разражается громъ. Старшій сынъ попадаетъ въ подѣлъ серебряныхъ рублей и заключается въ тюрьму. Событіе вноситъ печальныя перемены въ проживавшую въ мертвомъ оцепенѣніи семью. Безпечальная жизнь омрачается, нарушается душевный покой членовъ семьи и даже какъ будто тѣнь ложится на самое жилище и дворъ Цыбукиныхъ.

Такъ-же случайно и не вызвано предшествующими обстоятельствами другое событіе частной жизни героевъ рассказа. Старикъ Григорій пишетъ завѣщаніе въ пользу своего внука, — сына Липы, Никифора. Жена младшаго сына Цыбукина — Аксинья, въ порывѣ несдерживаемой, низкой злобы выливаетъ на несчастнаго младенца своей соперницы ковшъ кипятку. Младенецъ умираетъ, а Липа, оказавшаяся и теперь столь-же чужою цыбукинскому роду, какою она была нѣсколько лѣтъ назадъ, до вступленія въ ихъ семью, — уходитъ отъ богатства подъ скудный кровъ своей матери. Авторъ кидаетъ послѣдній взглядъ на своихъ героевъ и набрасываетъ бѣглую картину жизни Цыбукиныхъ черезъ три года послѣ описанныхъ событій, — картину полнаго воцаренія дѣловы-

той Анисимъ въ цыбукинскомъ домѣ и выживающаго изъ него старика Григорія, вынужденнаго существовать чуть-ли не подавленъ...

Новому разсказу г. Чехова не достаетъ стройности и единства. Это просто рядъ картинъ, связанныхъ общностью дѣйствующихъ лицъ, выхваченный уголокъ жизни съ сохраненіемъ чисто — стихійнаго хода событій, два эпизода изъ хроники провинціальнаго прошествія, вставленные въ рамку, въ какой они въ самомъ дѣлѣ могли разыграться въ жизни. Столь же странное впечатлѣніе, какое производитъ сжатый перефразъ разсказа, производитъ и чтеніе всего разсказа цѣликомъ. Чувствуется, что авторъ почти игнорировалъ требованіе единства, не заботился о фабулѣ разсказа, занятый исключительно заботою о воспроизведеніи реальной правды жизни и своего настроенія, вызываемаго въ немъ впечатлѣніями деревни и наблюденіемъ за активными типами ея обитателей.

И съ этой стороны задачи его осуществлены вполне. Въ разсказѣ есть душа и ярко сказывается мировоззрѣніе художника, почти растеряннаго смотрящаго на темное, тусклое и безпросвѣтное существованіе своихъ героевъ, людей безъ великихъ нравственныхъ устоевъ, безъ всякихъ возвышенныхъ идеаловъ, живущихъ безъ Бога въ душѣ, женящихся безъ увлеченій... Повѣствователь не отрицаетъ и въ нѣкоторыхъ изъ своихъ героевъ горькаго чувства сознанія мрачности ихъ жизни «въ оврагѣ», во видѣтъ и тѣ софизмы, которыми прикрывается большая совѣсть виноватыхъ. Не безъинтересно въ этомъ отношеніи остановиться на нравственной философіи Анисима, типичнаго представителя цыбукинскаго рода, въ-концѣ испорченнаго и развращеннаго городомъ.

— «Скучно у насъ,—говоритъ мать при прощаніи съ отъѣжающимъ въ городъ Анисимомъ.—Ужъ очень народъ оживаетъ. Сердце мое болитъ, дружокъ, обижаемъ какъ-и Боже мой! Лошадь не мѣняемъ, покупаемъ-ли что, работника-ли нанимаемъ,—на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ. Постное мало въ лавкѣ горькое, тухлое, у людей деготь лучше. Да нешто, скажи на милость, нелзя хорошимъ масломъ торговать?»

— *Бто къ чему пристаеиъ, мамаша.*

— Да вѣдь умирать надо? Ой-ой, право, поговорилъ-бы ты съ отцомъ!..

— А вы-бы сами поговорили.

— Н-ну! Я ему свое, а онъ мнѣ, какъ ты, въ одно слово: кто къ чему приста-

иленъ. На томъ сивѣ такъ тебѣ и стануть разбирать, кто къ чему пристаеиъ. А Бога судъ праведный.

— Конечно, никто не станетъ разбирать, — сказала Анисимъ и вздохнула. Бога-то вѣдь все равно нѣтъ, мамаша. Чего ужъ тамъ разбирать!.. Богъ, можетъ, и есть, а только вѣры нѣтъ. Когда меня вѣнчали, мнѣ было не по себѣ. Какъ вотъ воамени изъ-подъ курицы ийцо, а въ немъ цыпленокъ пишишь, такъ во мнѣ совѣсть вдругъ запищала, и, пока мнѣ вѣнчали, я все думала: есть Богъ! а какъ вышелъ изъ церкви — и ничего. Да и откуда мнѣ знать, есть Богъ или нѣтъ? Насъ съ малолѣтства не тому учили, и младенецъ еще мать сосетъ, а его только одному и учать: *кто къ чему пристаеиъ*. Папаша вѣдь тоже въ Бога не вѣруетъ. Вы какъ-то сказывали, что у Гантарова бирановъ угнали... Я на шель: это шикаловскій мужикъ укралъ; онъ укралъ, а шкурки-то у папаша. Нѣтъ вамъ и вѣра!

Анисимъ подмигнулъ глазомъ и покачалъ головой.

— И старшина тоже не вѣритъ въ Бога,—продолжалъ онъ,—и писарь тоже, и дьячокъ тоже. А ежели они ходятъ въ церковь и посты соблюдаютъ, такъ это для того, чтобы люди про нихъ худо не говорили, и на тотъ случай, что можетъ и въ самомъ дѣлѣ страшный судъ будетъ. Теперь такъ говорятъ, будто конецъ свѣта пришелъ оттого, что народъ ослабѣлъ, родителей не почитаютъ и прочее. Это пустяки. Я такъ, мамаша, понимаю, что все горе оттого, что совѣсти мало въ людяхъ. Я вижу насквозь, мамаша, и понимаю. Ежели у человека рубаха крадена, я вижу. Человекъ сидитъ въ трактирѣ, и вамъ такъ кажется, будто онъ чай пьетъ и больше ничего, а и, чай-то чаемъ, вижу еще, что въ немъ совѣсти нѣтъ. Такъ цѣлый день ходишь—и ни одного человека съ совѣстью. И вся причина, потому что не знаютъ, есть Богъ или нѣтъ...

Разсказъ отличается обычными особенностями письма Чехова. Нѣкоторыя картины, какъ, напримѣръ, картина свадьбы Анисима, написаны удивительно живо. Въ разсказѣ не разъ встрѣчаются полныя настроенія описанія природы, довольно рѣдкія въ послѣднихъ произведеніяхъ талантливаго беллетриста и вызывающія въ памяти описанія первыхъ его художественныхъ работъ...

Въ первой и второй книжкахъ того же журнала напечатано начало романа К. Баранцевича «Большая кровь». Судя по началу, это произведеніе не изъ тѣхъ, которыя должны составить аллегорическіе листки въ вѣникъ извѣстнаго беллетриста. Авторъ затрогиваетъ знакомый ему бытъ средняго чиновничества и рисуетъ сцены справленія для рожденія въ семьѣ одного